

**Известия Таврической
ученой архивной комиссии.
Книга 27**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
ИЗЗ

ИЗЗ Известия Таврической ученой архивной комиссии. Книга 27 / – М.: Книга по Требованию, 2015. – 125 с.

ISBN 978-5-517-93160-3

Таврическая Учёная Архивная Комиссия регулярно публиковала сборник трудов «Известия Таврической Учёной Архивной Комиссии» (ИТУАК). Всего, с 1887 по 1920 годы, было выпущено 57 томов этого издания, в которых было опубликовано более 400 научных статей, исторических документов, археологических находок. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1897 года.

ISBN 978-5-517-93160-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Н У Р Ъ - С А Л Т А Н Ъ

ЦАРИЦА КРЫМСКАЯ.

(Историко-биографическій очеркъ).

Въ исторіи союзныхъ отношеній Іоанна III и крымскаго хана Менгли Гирея не можетъ быть пройдена молчаніемъ жена послѣдняго, Нуръ салтанъ царица, оказавшая существенныя услуги дѣлу мира. За все время крымскаго замужества она усердно поддерживала „дружбу“ своего мужа съ московскимъ государемъ; пережила ихъ обоихъ и видя, какъ при ихъ преемникахъ союзъ сталъ колебаться, старая царица хотѣла, по мѣрѣ своего вліянія, продолжить союзъ, соглася новыхъ государей Москвы и Крыма на дружбу, въ какой жили ихъ отцы. Она же все время старалась, чтобы дѣти ея Магметъ Аминь и Абдыль Летифъ, попеременно царствовавшіе въ Казани, на столѣ отца ихъ Ибрагима, жили въ добрыхъ отношеніяхъ съ московскими государями, при помощи которыхъ они всего лучше могли бы утвердиться въ Казани. Всегда и ко всѣмъ царица держитъ рѣчи мирныя, разсудительныя, за то и сама пользуется общимъ уваженіемъ. По всѣмъ признакамъ, Нуръ-салтанъ была женщина добрая, да притомъ не малаго ума и характера.

Татарская царица тѣмъ больше привлекаетъ наше вниманіе, что вообще восточныя мусульманскія царицы очень мало извѣстны, какъ личности: большинство ихъ скрыты для исторіи въ глубинѣ мусульманскаго гарема и, такъ сказать, подъ густою чадрой восточнаго этикета. Въ частности жены Менгли Гирея извѣстны только по именамъ; лишь одна Нуръ-салтанъ является въ источникахъ со своими опредѣленными чертами, даже со своимъ крупнымъ лицомъ

Эти источники главнѣйше суть крымскія посольскія книги за время Іоанна III и Василія III; тамъ часто идетъ рѣчь про Нуръ-салтанъ царицу, а главное: тамъ вставлены ея письма къ москов-

скимъ государямъ и отвѣтныя къ ней письма изъ Москвы. Въ письмахъ царицы, неподражаемыхъ по слогу и тону рѣчи, слышится живой голосъ любящей, умной матери и жены; по этимъ-то письмамъ преимущественно мы желаемъ составить небольшой очеркъ жизни и дѣятельности знаменитой Менгли Гиреевой царицы, — лица, памятнаго въ исторіи Крыма.

Изъ древнѣйшей книгѣ крымскихъ дѣлъ названы нѣсколько женъ Менгли Гирея. Именно въ дѣлѣ отъ іюня 1486 года значится, что тогда было послано поминковъ отъ великаго князя „двѣма женамъ царевымъ“ по корабельнику. Въ дѣлѣ отъ августа того же года одна изъ царицъ названа своимъ именемъ, точнѣе сказать — отцовскимъ именемъ: „Едигерова дочь Зизивудова“, для коей опять посылается корабленникъ въ поминокъ. Рядомъ съ нею названъ царскій тесть, Кирей-Ситъ, отецъ другой Менгли-Гиреевой жены, по тому также случаю, что и ему посылается поминокъ, но не дочери его, женѣ царской: про нее на этотъ разъ нѣтъ рѣчи. Подъ 1493 годомъ въ крымской посольской книгѣ называется третья жена Менгли Гирея, „Заянъ-салтанъ царица“, неизвѣстно чья дочь, только однажды въ книгѣ упомянута. (Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ. т. XXI, стр. 54, 56, 178).

Гораздо чаще по всей книгѣ и въ послѣдующихъ крымскихъ посольскихъ книгахъ говорится про Нуръ-салтанъ, самую знаменитую царицу Менгли Гирееву. Письмо къ ней великаго князя Іоанна III отъ марта 1487 года поздравляетъ ее по случаю вступленія въ бракъ съ крымскимъ царемъ: „слышели есмь, что еси пришла за Менгли Гирея за царя, и мы, слышевъ ваше доброе дѣло, тому есмь ради“. Изъ письма однако видно, что не оно было первое, коимъ началась длинная переписка Іоанна съ крымской Нуръ-салтанъ царицей: впервые она сама написала московскому государю, такъ что письмо послѣдняго есть собственно отвѣтъ на царицыно письмо. (Письмо на стр. 59).

Приведенныя подробности имѣютъ значеніе для того, чтобы точнѣе опредѣлить время, когда состоялся бракъ Нуръ-салтанъ съ Менгли-Гиреемъ. По Карамзину, онъ имѣлъ мѣсто около 1485 г. (Истор. Рос. Росс., VI, примѣч 297). По всей вѣроятности, онъ былъ позже годомъ, или даже больше того. Въ самомъ дѣлѣ, если подъ двумя царицами Менгли Гирея, коимъ посылаются поминки въ іюнь и въ августѣ 1486 года, разумѣются дочь Едигерова, да дочь Кирей-Ситова, то выходитъ, что Нуръ-султанъ, дочь Теми-

рова, въ это время еще не была замужемъ за крымскимъ царемъ. А такъ какъ—далѣе—она писала свое письмо къ московскому государю до начала марта 1487 года, когда тотъ уже отпривилъ поздравительный отвѣтъ къ ней, какъ царицѣ крымской, то слѣдовательно выходъ ея замужъ за Менгли Гирея и письмо ея увѣдомительное въ Москву приходится на вторую половину 1486 года, либо на самое начало 1487 года. Будъ крымскій ея бракъ въ 1485 году, посольская книга упомянула бы о немъ раньше, чѣмъ въ мартѣ 1487 года впервые; случай для упоминанія нашелся бы въ посольскихъ дѣлахъ если не въ 1485 году, то въ слѣдующемъ, на ряду съ другими цаѣскими женами.

Такъ какъ четыре жены Менгли Гирея упоминаются на небольшомъ разстояннн времени, отъ 1486 по 1493 годъ, то можно предположить, что въ послѣдннй годъ онѣ всѣ четыре были на лицо. По мусульманскому закону позволительно имѣть такое именно число женъ одновременно.

Почетнѣйшая, наибольшая изъ нихъ была Нуръ-салтанъ; по крайней мѣрѣ въ крымской посольской книгѣ она называется „большою царицей“. (Сборн. И. Р. И. О., ХLI, 117). По происхожденню и бракамъ, по потомству и родству, она была самая знатная женщина въ тогдашнемъ татарскомъ мнрѣ, поскольку онъ соприкасался и былъ извѣстенъ нашему миру русскому. Ея отецъ былъ Темиръ, князь Золотой Орды, вельможка изъ рода Мангитовъ; онъ и сынъ его Тевекель князь переѣхали на службу къ крымскому Менгли Гирею; служить которому было выгоднѣе для нихъ и почетнѣе, чѣмъ въ разлагавшейся Ордѣ Ахмата. Изъ того же рода Мангитовъ былъ влнятельннй въ Крыму Янкуватъ мурза. Эти Мангиты причитали себя въ „братъя“ москов кому великому князю, а если вѣрнть Менгли Гирею, то Иоаннъ III будго бы даже звалъ князя Темира „отцомъ“ себѣ. (Тамъ же, стр. 518, письмо царя къ Иоанну отъ 1504 года). Впрочемъ, въ качествѣ родственниковъ Нуръ салтанъ царицы, которую Иоаннъ зоветъ своей „сестрой“, Мангиты послѣдовательно съ своей стороны имѣли прнтязання на „братство“ съ московскимъ государемъ. Таково родство царицы по отцу! — Бракъ ея съ Менгли Гиреемъ былъ для нея не первый. Раньше она была женой казанскаго царя Халиля, сына царя Мамутека: этотъ бракъ былъ кратковременннй и бездѣтннй. Овдовѣвши, она во второй разъ вышла замужъ, за брата и преемника Халилева на столѣ казанскомъ, Ибрагима (царств. 1467—1478); отъ него она имѣла двухъ сыновей, бывшихъ послѣ также казанскими царями, — Мегметъ Амннн и Абдыль Летиѣа. Если прибавнть

еще, что дочь ногайского владѣтеля Мусы мурзы стала женой царя Магметъ Аминя, а дочь Янкуватъ мурзы Мангита — женой Ямгурчя, брата царя Менгли Гирея, крымскаго калги, для Нурь-салтанъ деверя, то получимъ большой кругъ родства ея и свойства; въ этомъ кругу главное и почетнѣйшее мѣсто принадлежало именно Нурь-салтанъ, женѣ Менгли-Гирея. Но это послѣднее ея супружество осталось безъ потомства: она вышла за крымскаго царя въ немолодомъ возрастѣ, отъ 30 до 35 лѣтъ, уже второбрачно вдовой *).

Можно догадываться, что этотъ бракъ былъ не безъ видовъ дипломатическихъ со стороны Иоанна III, т. е. и не безъ содѣйствія его; прямыхъ и точныхъ данныхъ для подтвержденія такой догадки правда, нѣтъ, но есть нѣкоторыя косвенныя данныя и соображенія. Историкъ XVI вѣка Гванини, описывая дѣла Казани при первыхъ ея царяхъ, отчасти по Герберштейну, прибавляетъ отъ себя ту подробность, что царь Ибрагимъ взялъ за себя вдову брата Халиля Нурь-салтанъ, съ согласія великаго князя московскаго **).

Еще болѣе позднѣй писатель, Лызловъ, сочинитель „Скиской исторіи“, повторяетъ это извѣстіе Гванини, только выражаясь рѣшительнѣе, что Ибрагимъ „по повелѣнію великаго князя“ взялъ себѣ въ жену Нурь-салтану царицу ***). Пусть оба пазванные писателя очень далеки отъ временъ Иоанна III и Менгли Гирея, и оба мало самостоятельные историки; однако преданіе или догадку о

*) О родствѣ и свойствѣ Нурь-салтанъ царицы знаемъ по тѣмъ же крымскимъ посольскимъ книгамъ и ногайскимъ, источнику весьма богатому во многихъ отношеніяхъ: для перваго раза смотр. Указатель личныхъ именъ, въ нихъ встрѣчающихся. (Сборн. И. Рус. Ист. Общ. томы ХLI и ХCV). По генеалогіи царей казанскихъ, крымскихъ и прочихъ татарскихъ царей смотр. превосходныя разслѣдованія Вельямнова-Зернова въ его трудѣ о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, въ части I. О казанскихъ бракахъ собственно Нурь-салтанъ царицы — тамъ же на стр. 51—53, гдѣ разобрано извѣстіе Герберштейна, сюда относящееся, и указано извѣстіе Гванини.

**) „Hic Chelealeek, relicta uxore Nursultan, absque liberis moritur, cui Abrahami magni momini Tartarus, ducta uxore ejus vidua, consensu Magni Moechovine Ducis Basili, in regno succedit“. (Описаніе Сарматіи, по Краковскому изданію 1578 года, въ главѣ о татарахъ на листѣ 2-мъ, собственно о казанскихъ татарахъ.

***) Скиская исторія Изъ разныхъ иностранныхъ историковъ, паче же изъ російскихъ вѣрныхъ исторій и повѣстей, отъ Андрея Лызлова прилѣжными трудами сложена и написана лѣта 1692“. Издан. Н. Новикова 3-е, Москв. 1787. (Часть I, стр. 93). — Книга компливативная, но заслуживаетъ обстоятельнаго критическаго разбора, начиная съ того, кто былъ авторъ ея: столичный, или свеценникъ?

выходѣ Нурь-салтанъ за царя Ибрагима, съ согласіа или при содѣйствіи московскаго государя, нельзя, кажется намъ, вовсе отвергать. Въ самомъ дѣлѣ: умный, дальновидный Іоаннъ III, задумавъ свергнуть татарскую зависимость и сдержать татарскій міръ отъ напора на свое государство, не оставлялъ никакихъ средствъ къ достиженію своей задачи: онъ входилъ и въ семейныя дѣла татарскихъ властителей; да тѣ и сами обращались къ нему за совѣтами по своимъ семейнымъ дѣламъ. Въ частности относительно казанскаго царя Ибрагима, то враждебнаго, то смирявшагося предъ Москвой, Іоаннъ былъ внимателенъ на счетъ его родныхъ; такъ, напримѣръ, лѣтомъ 1469 года великій князь отпустилъ въ Казань къ Ибрагиму мать его, жену Касима царевича Городецкаго, только что овдовѣвшую: „конечно сдѣлалъ онъ это изъ видовъ политическихъ, чтобы черезъ мать дѣйствовать на сына“,— замѣчаетъ авторитетный знатокъ дѣлъ русскихъ и татарскихъ *). Не будетъ, кажется, лишнимъ съ нашей стороны сдѣлать другое предположеніе, что тѣ же виды Іоаннъ III имѣлъ, когда устроилъ Нурь-салтанъ царицу за Ибрагима, а потомъ за Менгли Гирея; объ этихъ бракахъ онъ зналъ, несомнѣнно; если же зналъ, то по всей вѣроятности и содѣйствовалъ имъ. Съ Менгли Гиреемъ великій князь давно уже былъ въ хорошихъ отношеніяхъ; съ другой стороны, когда царица выходила за него, ея родной сынъ Магметъ Аминь проживалъ въ городѣ Каширѣ на Окѣ, на службѣ московскому государю, который готовилъ ему мѣсто еще болѣе важное, т. е. казанскій столъ: слѣдовательно для матери-царицы была дорога дружба московскаго государя, а онъ съ своей стороны могъ рассчитывать на ея дружескія услуги, когда она станетъ женой крымскаго царя. Взявъ все это во вниманіе, убѣждаешься безъ документальныхъ даже данныхъ, что онъ помогалъ даже браку Нурь-салтанъ съ Менгли Гиреемъ. А что касается его выраженія: „*слышели слыя*, что еси пришла за Менгли Гирея за царя“, то оно, повидимому, указываетъ, что Іоанну остался неизвѣстнымъ только послѣдній собственно моментъ дѣла, т. е. самый пріѣздъ Нурь-салтанъ въ Крымъ. Но можетъ быть это выраженіе—отчасти дипломатическое, не вполне прямое, что-то замалчивающее.

*) В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, Иссл. о касимов. цар. I, стр. 53—59. Въ примѣръ обращенія татарскихъ властителей къ Іоанну по дѣламъ брачнымъ приведемъ слѣдующій случай: въ 1490 году ногайскій Муся мурза спрашивалъ совѣта, выдавать ли ему дочь за Магметъ Аминя, и будетъ ли на этотъ бракъ позволеніе великаго князя. Іоаннъ одобрилъ и согласился. Сборн. Рус. Ист. Общ. ХLI, стр. 89—93 (въ ногайскихъ дѣлахъ).

Впрочемъ — довольно предположеній. Не будемъ настаивать на ихъ точности, а обратимся лучше къ подлиннымъ извѣстіямъ.

О чемъ же переписывались московскіе государи и крымская царица? Существенное содержаніе переписки, вкратцѣ говоря, состоитъ въ двухъ пунктахъ: изъ Москвы желаютъ, чтобы царица во всемъ добра хотѣла русскимъ государямъ, всегда бы держала ихъ сторону передъ мужемъ; изъ Крыма желаютъ, чтобы великіе князья были благосклонны къ дѣтямъ Нуръ-салтанъ царицы, пасыпкамъ царя Менгли Гирея. Въ этомъ — взаимный интересъ сношеній и существенное содержаніе переписки.

Вскорѣ послѣ выхода царицы за крымскаго хана случилось событіе, для нея и особенно для московскаго государя важное: въ іюль 1487 года была взята съ бою русскими войсками Казань; при этомъ казанскій царь Алегамъ съ семействомъ былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Москву. Іоаннъ былъ очень доволенъ успѣхомъ надъ Казанью, высоко цѣнилъ это событіе, ибо принялъ съ тѣхъ поръ особый титулъ „Государя Болгаринъ“; однако онъ не нашелъ пока возможнымъ сполна присоединить къ своему государству Казань, т. е. управлять ею чрезъ московскаго намѣстника; на первый разъ онъ находилъ достаточнымъ посадить въ Казани зависимаго отъ себя присяжнаго царя. Таковымъ былъ назначенъ Магметъ Аминъ Ибрагимовичъ, жившій до того большею частію въ Каширѣ и участвовавшій въ походѣ русскихъ войскъ на Казань, въ 1487 г. *).

Іоаннъ увѣдомилъ крымскаго царя и царицу объ этомъ событіи. (Сборн. Р. И. Общ. ХLI, 61 — 62). Но не сдѣлалъ того же Магметъ Аминъ, рѣдко вообще писавшій своей матери, за что та была недовольна. Въ 1491 году она писала сыну: „слава Богу, на отцовомъ юртѣ господаремъ ся еси учинилъ: отъ недруга бы сердце на мѣстѣ было! Въ той землѣ мати у тебя и брать у тебя есть; не мощно ли тебѣ послати спросити? Почаешь меня, что язъ далече отошла: ино у тебя одинъ брать былъ, и ты бы велѣлъ того отчытати, душа моя **).

*) Въ это время онъ имѣлъ лѣтъ около 20 ти возраста. Соперникъ его Алегамъ былъ его братъ, но отъ другой жены Ибрагимовой, которая почиталась „меньшицею“, т. е. меньшей передъ Нуръ-султанъ: она и въ Казани была „большая царица“. — Критическія замѣчанія о семьѣ Ибрагима п о событіяхъ въ Казани отъ смерти до нпвоженія Алегамы и посаженіи на столъ казанскій Магметъ Аминъ, смотр. у г. Вельминова-Зернова, I, стр. 157—189. Впрочемъ есть сомнѣніе на счетъ Каширы: тамъ же стр. 191.

***) „Ты скажешь, что я-де далеко ушла и вступила въ другую семью; но у тебѣ есть еще единственный братъ, могъ бы ты справиться объ его здоровьѣ, если ужъ не обо мнѣ“, — такъ яснѣе можно передать мысль царицы, выражающейся по своему очень деликатно.

И нынѣча Абды Латифъ къ брату къ большому мыслить ѣхати: ся земля лиха, блюстися ея *); ажъ дастъ Богъ, и сами хотимъ отпустить: не вѣдаю, какъ тебѣ будетъ пригоже. И нынѣча слышели есмь, за себя у Мусы мырзы дочерь емлешь, князь велики Иванъ женить тобѣ, у посла слышели мы: бѣдная мати, богомолица твоя, рада есми вельми, Богъ дай въ добрый часть!“ Въ заключеніе письма, матъ просить разныхъ поминковъ отъ сына: хочется - де ей послать нѣкоторые подарки турецкому султану Баязету, который для нея есть „названный отецъ“, а добыть приличныхъ подарковъ у себя, въ Крыму, ей не удалось - дескать. (Тамъ же, 109). Такъ писала царица матъ къ своему сыну царю то съ легкимъ упрекомъ, то больше съ лаской и любовью, то съ просьбами о гостинцахъ.

Въ письмѣ, какъ мы видѣли, дѣло идетъ между прочимъ и о царевичѣ Абдылѣ Летифѣ: матъ спрашиваетъ старшаго сына, посоветуетъ-ли онъ ей отпустить изъ Крыма младшаго брата его, приметъ-ли онъ его къ себѣ. Магметъ Аминъ отвѣчалъ согласіемъ. (Тамъ же, стр. 147, подъ 1492 годомъ). Но еще раньше того московскій государь выразилъ царицѣ желаніе, чтобы младшій сынъ ея пріѣхалъ на службу въ Московское государство. Нуръ-салтанъ находилась въ затрудненіи: ей жалъ было отпустить куда бы то ни было своего младшаго любимаго сына. Если же отпускать, то куда именно: къ московскому государю, или къ казанскому брату? Что приличнѣе для нея, и что полезнѣе для ея сына? Царица колебалась, раздумывала, и на первое предложеніе Иоанна отвѣчала уклончиво. „А о сынѣ о своемъ о Абдылѣ Летифѣ салтанѣ приказала (т. е. поручила сказать) къ великому князю: здѣсь ему Менгли Гирей царь отецъ; а коли его къ тобѣ пошлю, то вѣдаетъ Богъ, да ты ему и отецъ“, — такъ говорила она посланнику московскому Дмитрію Шеину. (Тамъ же, 75, подъ 1488 годомъ). На самомъ дѣлѣ вѣтчимъ не могъ замѣнить роднаго отца; у Менгли Гирей была своя большая семья, въ которой пасынокъ его не могъ быть на равномъ положеніи съ его кровными дѣтьми; очевидно вѣтчимъ не ласково относился къ пасынку, если родная матъ сочла необходимымъ разстаться со своимъ любимымъ дѣтищемъ. Иоаннъ между тѣмъ настаивалъ на своей просьбѣ, — и царица, посоветовавшись съ мужемъ и сыновьями, уступила наконецъ его внушеніямъ: Абдылѣ Летифѣ поступилъ на службу къ московскому государю, притомъ безо всякихъ обязательствъ со стороны послѣдняго, а какъ

*) Крымъ? Царицѣ и сыну ея, видно, не очень нравилось тамъ.

бы сполна полагаясь на его милость*). При этомъ Нуръ-салтанъ разсчитывала, что младшій сынъ ея можетъ пожить сначала у московскаго великаго князя, а потомъ добровольно переѣхать къ брату въ Казань. Менгли Гирей съ своей стороны выставлялъ дѣло такъ, что онъ съ перваго-же разу отпустилъ Абдыль Летифа къ брату его, царю казанскому; что же касается до послѣдняго, то, изъявъ согласіе принять брата, по совѣту со своими казанскими вельможами, онъ не обнаружилъ на дѣлѣ готовности исполнить свое обѣщаніе матери; впрочемъ онъ былъ еще молодъ, и слишкомъ мало имѣлъ своей воли, чтобы направлять ходъ дѣла своего брата.

Главнымъ направителемъ былъ Іоаннъ: онъ желалъ и дѣйствительно успѣлъ залучить къ себѣ втораго Ибрагимовича. Этотъ царевичъ могъ стать новымъ звеномъ союза между нимъ, Іоанномъ, и крымскою семьей, залогомъ „дружбы“ дипломатической, а прямое сказать—заложникомъ на всякій случай; онъ могъ послужить орудіемъ противъ старшаго брата, если бы тотъ пересталъ слушаться Москвы. Іоаннъ смотрѣлъ далеко и все взвѣшивалъ хладнокровно. Онъ хотѣлъ не только свергнуть послѣдніе остатки татарской зависимости, но и заставить служить своимъ видамъ всѣхъ татарскихъ властителей. И онъ въ значительной мѣрѣ уже успѣлъ въ данное время исполнить свое желаніе: цари Золотой Орды, Ахматовичи, были слишкомъ слабы для того, чтобы вредить Руси; крымскій Менгли Гирей, „братъ и другъ“ Іоанна, состоитъ въ непримиримой враждѣ съ царями Золотой Орды, и никакъ не можетъ подружиться съ Казимиромъ, королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ: этого не допускаетъ московскій „братъ и другъ“. Въ Касимовѣ сидитъ московскій присяжникъ Нурдаулетъ царь, братъ Менгли Гирей и прежній соперникъ его по достиженію крымскаго стола; въ Казани другой присяжникъ, Магметъ Аминъ; въ случаѣ неисправленія его онъ можетъ быть замѣненъ Абдыль Летифомъ; плѣнный царь казанскій Алгамаъ за свою непріязнь къ Москвѣ поплатился ссылкой въ далекую Вологду, и цогайцы никакъ не могутъ добиться его освобожденія; сами цогайскіе мурзы до крайней степени заискиваютъ у русскаго государя. Успѣхи восточной политики Іоанна III были явные, очень значительныя!

*) Лобанъ Колычевъ (посланникъ Іоанна въ Крымъ) пріѣхалъ генваря 6-го 1493 г. обратно въ Москву, вмѣстѣ съ царевичемъ Абдыль Летифомъ. „А что была дана ему запись: похочетъ царицы и царевичъ Абдыль Летифъ у Лобана правды не просилъ, а Лобанъ имъ правды не далъ“ (т. е. присяжной записи): Сборн. ХЛІ, стр. 169—170. Сравни. стран. 169; 177—178, гдѣ о видахъ Менгли Гирей и Нуръ-султанъ царицы на счетъ отпущеннаго царевича.

Обратимся однако къ главному лицу нашего повѣствованія къ матери Магмета и Абдыла, послушаемъ письма ея откровеннаго и простодушнаго, далекаго отъ дипломатическихъ хитросплетеній, полнаго любви къ дѣтямъ и довѣрія къ „брату“, къ московскому великому князю: разумѣемъ письмо ея отъ сентября 1493 г., въ которомъ она поручаетъ благосклонности Иоанна своихъ сыновей, Багая и Сатику, какъ она называетъ ихъ съ ласкою, или можетъ быть слегка небрежно. Передадимъ письмо царицы дословно, только съ необходимыми подновленіями стараго перевода, для ясности рѣчи. (Сборн. Р. И. О. ХLI, 194. Сравн письма ея же на стр. 176—177). „По цареву жалованью, Нуръ салтапъ царицыно слово: великому князю Ивану, брату моему, много много поклонѣ! Послѣ поклона вѣдомо бы было: Сатику, на Бога наѣдись и на тебя, послала есми: то молодое дитя или у себя держи, или къ брату пошли, успокой его, какъ вѣдаешь. И братъ его молодѣ, и онъ молодѣ; будутъ они жить въ любви между собой, или не въ любви, наше слово то: ты устрой ихъ, и пусть Богъ воздастъ тебѣ то, чего мы желаемъ тебѣ; а мы съ братомъ твоимъ, царемъ, пока мы здоровы, будемъ помощниками въ дѣлахъ твоихъ, сколько силъ нашихъ достанетъ. Если уланы и князи, Магметъ Аминовы сильные временники *) и всѣ казанцы, стануть съ добрымъ расположеніемъ просить къ себѣ Абдылъ Летифа, ты отпусти его; если же не усердно будутъ просить, то держи лучше у себя, корми его, какъ вѣдаешь: Сатика молодѣ, нѣтъ у него надежныхъ слугъ, а у Багая ума нѣтъ **). Отпустишь ли ты младшаго брата къ старшему, у себя ли оставишь его, приставь къ нему дядькой хорошаго человека изъ отцовыхъ слугъ Ибрагимовыхъ, котораго слушались бы и всѣ люди Сатики: они у него еще не привычны къ хорошимъ порядкамъ. Давай имъ отъ себя порученія, когда найдешь нужнымъ, пусть приучаются къ порядку и стануть умнѣе; если жъ въ одномъ мѣстѣ безъ дѣла будутъ проживать, то они совсѣмъ испортятся“, — заканчиваетъ царица. Иоаннъ отвѣчалъ въ тонъ царицы: онъ послалъ-де о царевичѣ Абдылѣ Летифѣ къ брату его, царю казанскому, и царь обѣщался прислать къ великому князю объ этомъ дѣлѣ, по доселѣ не присылывалъ. (Посольскія рѣчи отъ ноября

*) Въ подлинникѣ „добрые временники“. Вотъ какъ древне въ нашемъ языкѣ употребленіе этого слова. Любопытно бы знать, какому татарскому слову оно соотвѣтствуетъ въ подлинномъ письмѣ царицы, и есть ли оно дословный переводъ, или описательное выраженіе, равносильное съ восточнымъ какимъ-нибудь словомъ.

**) Такъ откровенно отзывается мать о казанскомъ Магметѣ Амнѣ; но можетъ быть, что она меньше любила его, чѣмъ Абдылъ Летифа.

1493 года). А такъ какъ въ послѣдній разъ царица наказывала съ Константиномъ Заболотскимъ, чтобы сына ея не отпускать въ Казань, дабы отъ лихихъ людей не сдѣлалось зла между братьями, то великій князь содержитъ царевича на своемъ иждивеніи. (Сборн. Р. И. Об. XLI, 202—203) Какъ видно, кромѣ приведеннаго письма, царица наказывала еще тайныя рѣчи съ Заболотскимъ: она окончательно, должно быть, склонилась къ тому, что младшему сыну ея будетъ лучше жить у великаго князя, чѣмъ у Магметъ Аминя, среди безпокойной Казани. Иоаннъ такъ и поступилъ: онъ далъ Абдыль Летифу на содержаніе Звенигородъ со всеми пошлинами. (В. В. Вильяминовъ-Зерновъ, I, стр. 180. Не извѣстно, почему исторіографъ Карамзинъ написалъ, что Иоаннъ „въ угоду Менгли Гирею принялъ также меньшаго пасынка его, Абдыль Летифа, и съ честію отправилъ къ царю казанскому, Магметъ Аминю“: И. Г. Р. VI, 146, по изд. Эйнерлинга. Источники не подтверждаютъ этого замѣчанія: Абдыль Летифъ остался пока въ Москвѣ, а въ Казань не ѣздилъ).

Не видать, успокоилась ли теперь Нуръ-салтанъ царица за судьбу своихъ сыновей, или — что вѣроятнѣе — она скучала въ разлукѣ съ ними, да скучала и всей жизнью своей въ Бахчисарайскихъ ущельяхъ, мало пріятныхъ для нея, прежней жительницы волжскихъ равнинъ и сѣверныхъ лѣсовъ: вѣрно то, что царица рѣшилась предпринять теперь далекое путешествіе на богомолье въ Мекку. Оно засвидѣтельствовано какъ нашими крымскими дѣлами, такъ и турецкимъ историкомъ XVI вѣка, по имени Дженнаби. Похваляя благочестіе крымскаго хана Менгли Гирея, этотъ историкъ въ доказательство приводитъ именно то обстоятельство, что „въ 900 году Гиджры (соотв. наш. 1494—95 г.г.) Менгли ханъ отправилъ жену свою на поклоненіе святымъ мѣстамъ; она посѣтила Египетъ и была отлично принята тамошнимъ владѣльцемъ; при ней находилась свита, состоявшая болѣе чѣмъ изъ 50 человекъ“. (Извѣстіе приведено въ той же богатой въ содержаніи книгѣ г. Вильяминова-Зернова, I, 103). Правда, въ данномъ извѣстіи турецкаго писателя не названа по имени ханская жена, — а у Менгли Гирея, какъ мы знаемъ, было нѣсколько женъ; однако взявъ во вниманіе, что крымскія дѣла говорятъ подъ 1495 годомъ о сборахъ въ богомольный путь именно Нуръ-салтанъ царицы, мы должны заключить, что и въ турецкомъ источникѣ дѣло идетъ о ней же. (Сборн. Р. И. О. XLI, 222, письмо ея къ Иоанну. Сравн. въ Сборн. того же Общества, въ томѣ XCV, на стр. 161, подъ 1515 годомъ: тамъ значитъ, что царица ѣздила въ свое время въ Мекку вмѣстѣ съ роднымъ братомъ, Усеиномъ — княземъ). Воро-